

Поучительные черты домашней и семейной жизни древних христиан

А. П. Лебедев (1845-1908)

Смысл слов христианского писателя II века, что христиане ни в чем не отличались от нехристиан. - Молитва: как понимали учение о непрестанной молитве? - Дневная и ночная молитва, определенные часы для молитвы, употребляемые молитвословия, внешнее положение при молитве, употребление креста. - Стол: благочестивые обычаи во время трапезы, простота ее, правила благоприличия при вкушении пищи; какая пища предпочиталась? - Употребление напитков, правила благоприличия при этом; как держали себя христиане на пиришествах? - Девственное и брачное состояние: процветание девства, мысли о целомудрии. Замечательнейшие примеры христианской ревности о сохранении девства; взгляды на брачную жизнь, церковное благословение брака, мысли о цели брака, правила супружеских сношений, девство в браке, дни воздержания, нравственные качества супругов и духовное единение их, попечения супругов о взаимном душевном спасении, разрыв взаимного сожития; религиозное и нравственное воспитание детей, примеры.

* * *

Св. Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, ученик Иоанна Богослова, писал христианам своего времени: «Неверующие носят печать мира, а верующие в любви - печать Бога, Отца, чрез Иисуса Христа». Этот преобладающий отпечаток носили на себе истинные христиане всех веков, но с особенной яркостью и блеском - верующие первых веков, когда христианство наиболее всего одушевляло христиан. Он отражался на всем их поведении, даже на самых простых, обыденных отношениях их домашней жизни. Поистине высокий святой дух проникал во все их взгляды, правила и чувства, и отсюда переходил на все их обычаи, нравы и житейский обиход.

Правда, писатель Послания к Диогнету, ученый христианин начала II века, говорит: «Христиане не различаются от прочих людей; ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречия и ведут жизнь ничем не отличную от других. Но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный образ жизни». На основании этих слов древнего апологета можно было бы подумать, что домашняя жизнь первых христиан представляла очень мало особенного, выдающегося; но эта мысль должна быстро исчезнуть, если мы возьмем во внимание, что самыми характерными чертами христиан, по свидетельству того же писателя, были нравственная чистота и святость, которые необходимо должны были видоизменять многие стороны домашней жизни, внося в нее такие нравы и обычаи, каких не могло быть ни у язычников, ни у иудеев, в особенности у первых. Само собой бросалось в глаза, что христианский дух не мог допускать и теперь никакого обыкновения, корнящегося на языческой почве, как, например, призывания ларов (боги домашнего очага) и возлияний за обедом, а равно и всего, что стояло в противоречии с чувством целомудрия и степенностью. Этого мало. Сама домашняя жизнь христиан из иудеев постепенно отрешалась от тягостных уз и стеснительных

форм ветхого закона и различных раввинистических перетолкований его и взамен того обогащалась прекрасными обыкновениями, каких не знал человек ветхозаветный, и вследствие чего вскоре в домашней жизни между иудеями и христианами из иудеев обнаружилось меньшее различие, чем какое примечалось между язычниками и христианами из язычников. Вообще можно сказать, что при внешнем сходстве христиан с нехристианами в жилищах, языке, одежде, быстро открылось коренное, чрезвычайное различие между ними в нравственном поведении. С одной стороны, должно сказать, что христиане, согласно свидетельству Послания к Диогнету, в указанных отношениях домашней жизни не отличались от язычников, носили, например, такую же одежду, как и их соседи, ибо древние верующие не старались, подобно западным квакерам, отличаться от прочих людей ни цветом, ни покроем платья; но с другой стороны, они отвращались всего, что напоминало им о языческой роскоши и нелепой суетности, будь то в платье или в чем ином, и через это выступала на вид христианская особенность домашней жизни. Христианский дух подобно закваске заквашивал всю смесь домашней жизни, видоизменял и преобразовывал все явления в ней. - Скажем, прежде всего, о том, какое место занимала в домашней жизни христиан молитва. Христиане признавали, что как не может быть истинной веры без дел, так не может быть истинно-христианской жизни без молитвы. Учитель Церкви Ориген говорит: «Вся жизнь христиан должна быть великой молитвой, и так называемая в общезнании молитва есть только часть этой великой молитвы». Подобным же образом рассуждает и св. Василий Великий: «Непрестанно ты должен молиться, не на словах, но когда ты всем образом поведения стремишься соединиться с Богом, так что вся твоя жизнь есть постоянная молитва». В этом именно значении понимали отцы Церкви христианское требование о непрестанной молитве. Так блаж. Августин на возражение: разве возможно постоянно, каждую минуту восхвалять Бога, отвечал: «Я укажу тебе средство, как можно хвалить Бога во всякое время, если только ты хочешь этого: чтобы ты ни делал, делай справедливо, и ты уже хвалишь Бога». Тот же

Августин еще говорит: «Звук голоса при молитве пусть временами прерывается, но должен слышаться голос внутренний». Беспременная молитва не исключала труда и деятельности. Древние христиане неодобрительно смотрели на тех лжеучителей, которые отвергали труд и хотели жить исключительно для молитвы (таковы были евхиты и мессалиане). С другой стороны, отцы древней Церкви сильно восставали против тех, кто не признавали важности молитвы или даже считали ее признаком людей слабых. Против таковых вооружался уже Климент Александрийский.

Климент Александрийский

«Припоминаются мне, - говорил он, - некоторые лжеучители, которые утверждают, что не должно молиться. Пусть они не хвалятся своим нечестивым учением, как новостью, пусть они знают, что они заимствовали это учение от киренейских (языческих) философов». Прекрасно выражается Амвросий Медиоланский, доказывая необходимость молитвы: «Молитва есть пища души, через нее седалище порока превращается в святилище добродетели». - Древние христиане учение о непрестанной молитве понимали в некотором смысле даже буквально, потому что они все положения и действия в жизни освящали и сопровождали молитвой. Вот что говорит Климент Александрийский: «Вся жизнь гностика (т. е. совершенного христианина) есть как бы непрерывный праздничный день; у него: чтение Священного Писания перед принятием пищи, псалмы и гимны во время пищи и перед отхождением ко сну, и ночью опять молитва. Через постоянное воспоминание о Боге, он соединяется с ликами святых. На всяком месте будет он молиться, но не открыто перед народом; в то время, когда он занимается, говорит, отдыхает или читает, он молится». И при другом случае тот же Климент говорит: «Он (гностик) во всю жизнь молится». Тертуллиан, пресвитер Карфагенский, считает преступником того, кто в продолжение целого дня оставался без

молитвы. По внушению св. Киприана Карфагенского, каждый час дня нужно начинать молитвой. В особенности начало дня, утро, должно освящаться молитвой. Киприан говорит: «Рано утром мы должны молиться, чтобы через нашу молитву восхвалять воскресение Господа» (которое произошло утром). Василий Великий писал: «Что может быть блаженнее того, как встречать рассвет молитвой, благодарить и прославлять Творца, а потом, когда совсем рассветет, приниматься за работу?» Подобным же образом выражается Амвросий: «Разве ты не знаешь, человек, что начатки твоего сердца и твоего языка ежедневно ты обязан приносить Богу?» Если бывало несколько христиан в одном и том же доме, то они утреннюю молитву совершали вместе; и если между ними не было священника или вообще лица церковного, то хозяин дома читал молитву вслух, а все прочие тихо повторяли ее за ним. В Апостольских Постановлениях общепринятой утренней молитвой указывается Пс. 62. 1) И не только рассвет дня ревностные христиане встречали молитвой, но и ночью вставали для того, чтобы воздать хвалу Богу. Тертуллиан говорит: «Христиане, насытившись на вечерах любви (агапы, которые совершались повечеру), никогда не забывают, что даже ночью нужно прославлять Бога», - и при другом случае: «Даже ночью ты встаешь и молишься». О том же свидетельствует Киприан: «И по ночам мы не остаемся без молитвы». Климент Александрийский также говорит: «Часто и ночью ты поднимаешься с постели и благословляешь Бога». Значит, то, что позднее сделалось достоянием монастырей - ночная молитва, - в первенствующей Церкви было обычаем, который был хорошо известен и мирянам. Как начало дня, так и конец его освящался молитвой. Киприан говорит: «Восходит ли солнце или заходит, необходимо молиться». Вечерняя молитва заключала в себе прошение, чтобы Бог попустил молящимся дожить до следующего нового дня. Как обычную вечернюю молитву, книга Постадавлений Апостольских указывает Пс. 140. 2) Молитвою должна была начинаться работа, молитвою же сопровождаться. Молитвой, по словам Василия Великого, как солью осоляется всякое дело. Она произносилась перед началом обеда. Прежде чем начать мыться в бане, христиане тоже молились. Если гость прощался с хозяином, они делали это с молитвою, равно как и при входе в дом свое приветствие он сопровождал так же молитвой (Тертуллиан). Многие христиане приняли от иудеев обычай молиться, кроме утра и вечера, в третий, шестой и девятый час дня. 3) Но христиане соединяли с этим обычаем свои новозаветные воспоминания. В третий час они молились потому, что в этот час в Пятидесятницу излился Дух Святой на апостолов; в шестой - потому, что Петр в этот именно час имел видение о чистой и нечистой пище; в девятый - потому, что в этот час умер Христос и потом около того же часа Петр и Иоанн, идя в храм Иерусалимский, исцелили хромого (так толкуют Тертуллиан, Климент Александрийский и Киприан). Таким образом, возникли узаконенные часы молитвы в продолжение дня. Нужно при этом помнить, что в древности в эти же часы миряне призывались для общественной молитвы в церкви. Постановления Апостольские требуют очень строгого выполнения этого предписания. Несмотря на то, что, как мы видим, насчитывалось очень немало времени, назначенного для молитвы в течение суток, Киприан советует христианам молиться еще чаще, еще больше.

Больше всего христиане при возношении своих молитв пользовались книгой Псалтири. Псалтирь была молитвенником в первенствующей Церкви. Но вместе с псалмами была в употреблении в домашней жизни христиан и молитва, которой научил Сам Господь Своих учеников (Мф.6:9 и сл.). Представляется, однако, удивительным, что ни апостолы, ни их ученики, мужи апостольские, не упоминают о молитве «Отче наш» как молитве употребительной в их время в христианской Церкви. Но если апостолы и мужи апостольские и не говорят ничего о молитве Господней, однако же, отсюда не следует делать заключения, что в первые времена молитва Господня не была в употреблении. Прежде всего, совершенно невероятно, чтобы апостолы, просившие Христа научить их молиться, сами потом не пользовались данной молитвой. К той же мысли приводит то явление, что во времена Тертуллиана, следовательно, вскоре после эпохи мужей апостольских, молитва «Отче наш» представляется самой употребительной. Около 200 года молитва Господня пользовалась высоким уважением, на нее писались многочисленные комментарии. Все это доказывает, что ее и раньше не забывали верующие. Тертуллиан прямо называет молитву Господню «сокращением всего Евангелия». Кроме молитвы Господней, в домашнем употреблении христиан встречаем молитву «Богородице Дево, радуйся», которая составлена на основании слов

из Евангелия (Лк.1:2. 42). Молитва эта возникла, вероятно, вскоре после III Вселенского собора, в Греческой церкви, в противодействие несторианству. Позднее она перешла и в Западную церковь, главным образом уже в XI веке. Помимо этих и других молитв, заимствованных из Библии, древние христиане пользовались молитвами, составленными ими самими. У них были как песнопения, так и молитвы, обязанные своим происхождением благочестивой ревности отдельных верующих. Об этом можно догадываться на основании следующих слов Тертуллиана: «По совершении агап каждый приглашается петь хвалебные песни Богу, извлеченные из Св. Писания или кем-либо сочиненные». На это же указывают постановления Иппонского собора в Африке (в 393 г.): «Никто не должен употреблять самоизмышленных молитвословий, прежде чем посоветуется об этом с братьями, более просвещенными». Другие соборы еще более стесняют произвол верующих молиться, произнося молитвы самосочиненные. Видно, что в Церкви в древнее время появилось много таких молитв, что они стали распространяться в народе, и что не все из них заслуживали одобрения.

Отцы Церкви сообщают немало известий и о внешних обычаях древних христиан в совершении домашней молитвы. Климент Александрийский говорит: «Во время молитвы мы воздеваем руки и голову к небу, а при конце молитвы и ноги приводим в движение», то есть в конце молитвы мы поднимаемся из коленопреклоненного положения, в котором оставались во время нее. Со своей стороны, Тертуллиан говорит: «Мы молимся, взирая на небо, с распростертыми руками и непокрытой головой». Он же увещевает христиан, что они «не должны слишком поднимать руки и размахивать ими, что не должны возвышать головы с самонадеянностью и что приличие требует тише произносить молитвы». Ориген между всеми телесными положениями, какие возможны при молитве, рекомендует христианам, как самые приличные, воздеяние рук и поднятие головы. Впрочем, прибавляет он, больной может молиться сидя или лежа, а находящийся на корабле или занятый чем-либо препятствующим воздеянию рук может молиться, не делая вида, что молится. Распростертыми руками христиане изображали вид креста, на котором был распят Христос, как об этом свидетельствует апологет Минуций Феликс. Перед молитвой обыкновенно обмывали себе руки, чтобы показать необходимость внутренней чистоты, и обращались во время молитвы на восток, потому что свет древний и духовный приходит с востока (Тертуллиан, Климент). Сообразно с апостольским предписанием, мужчины молились с головой обнаженной, а женщины - с покрытой (1Кор.11:4). Но уже Тертуллиан высказывает жалобы на то, что девушки его времени и его отечества являлись на молитву непокрытыми и в свое оправдание говорили, что апостол Павел заповедует носить покрывало только женщинам, а так как они не заму-жем, то к ним неприменимы слова апостола. Тертуллиан поэтому старается доказать таким легкомысленным, что под женщиной, по библейскому употреблению, разумеются и жены, и девушки. - Тертуллиан порицает как суеверие, встречавшееся тогда обыкновение скидывать верхнее платье во время молитвы. «Так приближается, - говорит Он, - язычник к своим идолам, а христианский Бог слышит и того, кто имеет на себе плащ». Не менее он осуждает и тех, кто возлежали во время молитвы. Сидеть во время молитвы, как это было в обычае кое-где на востоке, он считает за выражение небрежения к этому делу. Христиане при молитве обыкновенно стояли. «Мы стоя молимся», говорил Киприан. Христиане часто также молились коленопреклоненно. Во дни поста, говорит Тертуллиан, и во дни стояний (так называется у него полупост) не должно быть молитвы без коленопреклонений и других знаков самоуничижения. Коленопреклонение представлялось первоначальным христианам делом совершенно естественным, как выражение смирения, как знак, что человек отпал от Бога и нуждается в Божественной благодати и милосердии. Поэтому кающимся постоянно предписывалось преклонять колена.

В самой тесной связи с молитвой во все времена находилось крестное знамение, и

уже у древнейших христиан мы встречаем самое широкое распространение его. Они полагали крестное знамение не только на себе, - на челе, устах, груди, но осеяли им одежду, постель, пищу, посуду, домашнюю утварь и жилище; они делали его, если выходили из дома или снова возвращались сюда, если начинали одеваться, садились за стол, ложились в постель, умывались или мылись в бане. Обо всем этом явно свидетельствует Тертуллиан. При этом он замечает, что хотя на крестное знамение нет указания в Библии, но зато важность его утверждает Предание. В одном из своих сочинений он убеждает свою жену, чтобы она в случае его смерти не выходила замуж за язычника, потому что тогда для этого последнего не было бы тайной, что она знаменует крестом и свое ложе, и свое тело. Следовательно, в это время было уже обыкновение ограждать крестом свою постель и тело, когда ложились спать и вставали. Так же Киприан, Ориген и другие отцы и писатели церковные многократно говорят об употреблении крестного знамения. Ефрем Сирийский в IV веке говорил: «Животворящим крестом пусть осеются наши двери, наши очи, наши уста, наша грудь, все наши члены. Этот крест, вы, христиане, не оставляйте ни в какое время, ни в какой час; пусть он с вами будет во всех местах. Без креста ничего не предпринимайте: ложитесь ли вы спать или встаете, работаете или отдыхаете, едите или пьете, путешествуете на суше или плаваете по морю, постоянно украшайте все ваши члены этим живоносным крестом». - До сих пор у нас шла речь о кресте, который мы делаем нашей рукой, но мы должны еще прибавить, что и крест в смысле вещественного изображения распятия весьма рано уже вошел в практику домашней жизни; его изображали или при помощи живописи, или пластики. Церковный историк Евсевий говорит о Константине Великом, что в самом лучшем зале его дворца был поставлен золотой крест, украшенный драгоценными камнями. Тот же Константин приказал украсить даже оружие солдат знаком креста. Что далее изображением креста украшались стены и двери, об этом находим свидетельство у Златоуста. Некоторые в своем желании повсюду делать кресты заходили уж слишком далеко - они вздумали украшать крестами полы в своих домах. Это обыкновение, однако, строго запрещено Трулльским собором (прав. 73-е), потому что попирает знак креста ногами противно чувству благоговения. История древнего христианского искусства и Акты мученические указывают, что христиане украшали крестом свои одежды и предметы бытового употребления. В IV веке встречаем указание на употребление креста на шеях верующих, поверх одежды. Так, Григорий Нисский говорит о своей сестре Макрине, что она носила крест на своей шее. Трапеза древних христиан, в свою очередь, также не осталась без влияния на нее нового христианского духа. Прекрасное изображение того, как происходила трапеза в домах древних христиан, находим у Тертуллиана. «Садятся за стол не иначе, как помолясь Богу; едят столько, сколько нужно для утоления голода; пьют как пристойно людям строго соблюдающим воздержание и трезвость; насыщаются настолько, что той же ночью могут возносить молитвы Богу; беседуют, зная, что все слышит Бог. По омовению рук и возжжении светильников, каждый приглашается петь хвалебные песни Богу. Трапеза оканчивается, как и начиналась, молитвой. Выходят отсюда не для того, чтобы производить бесчинства, выходят паче из школы добродетели, нежели от вечери». Тертуллиан, собственно, говорит здесь о христианских агапах, но сам же он не полагает никакого различия между агапами и обыкновенной трапезой в отношении к благоприличию и благочестию. Климент Александрийский прямо уверяет, что во время еды христиане пели псалмы и песнопения. Еще яснее говорит об этом Киприан: «Час обеда не должен оставаться без небесной благодати. Скромный обед должен сопровождаться псалмами, и если ты имеешь хорошую память и хороший голос, принимай на себя обязанности певца». - Очень часто и с особенным удовольствием древние отцы изображали скромность, умеренность и целомудренность, которые царили во время христианских обедов. Апологет Минуций Феликс говорит: «Наши обеды не только целомудренны, но и трезвенны, ибо мы не позволяем никакой болтовни, веселость умеряем важностью и скромными речами». Очень подробно

распространяется об этом предмете Климент Александрийский. «Иные люди, - говорит он, - живут для еды наравне с бессловесными животными, у которых жизнь во чреве; наш же воспитатель Христос повелел нам есть для того, чтобы жить, ибо пища для нас не занятие, и сластолюбие не есть наша цель. Жизнь слагается из двух вещей, - здоровья и сил, а для этого легкое питание гораздо целесообразнее. Великое разнообразие в пище нужно отвергать, потому что от этого проистекает различного рода вред, недомогания тела, вспучивание живота». Изысканность в пище Климент совершенно отвергает и осуждает тех, кто со всех частей света собирают для себя лакомые кушанья и необыкновенные приправы, тех ненасытных искателей пищи, которые для своих сластей желали бы весь мир уловить сетью. Таких сластолюбцев он называет не людьми, а «ртом и челюстями». Этот строгий церковный нравоучитель стыдит христиан за то, что они начали допускать излишества во время христианских агап. «Мы бесчестим священную агапу, прекрасное дело Слова, разными горшками и жидкими похлебками, наносим поношение этому имени разными питьями, изысканными кушаньями и кухонной копотью». В лакомых блюдах он усматривает смерть для тела и души. Умеренно питающиеся люди, говорит он, гораздо сильнее, здоровее и благоразумнее, чем другие; это можно видеть при сравнении крестьянина или философа (в смысле человека умеренного) с богачом. Обед христиан, по нему, должен быть прост и короток, не должен мешать ночному бодрствованию и не должен быть приправлен какими-нибудь благовониями. Он осуждает также жадность в еде.

«Неразумно жадными глазами пожирать яства. Неразумно протягивать постоянно руки к столовым запасам. Неблагопристойно наполнять свой рот не по обычаю вкушающих, а по обычаю похищающих. Такие люди по прожорливости похожи более на свиней или собак, чем на людей; они торопятся наестся, наполняя обе щеки сразу из всех сосудов, стоящих перед ними. Кроме того, и пот с них льется, когда по причине ненасытности крепко сжимаются их челюсти, и по причине невоздержания они тяжело дышат, с непристойной поспешностью, далекой от честного обычая, втискивая пищу в чрево, как в дорожный мешок, и без меры нагружая себя съестными припасами». Климент много занимается указанием тех приличий, соблюдение которых при трапезе предписывается разумному христианину. Он советует, чтобы христиане благопристойно касались предлагаемого, сохраняли не запачканными руки, бороду и занимаемое ими при столе место, соблюдали спокойствие в лице и чинно протягивали руку к кушаньям через известные промежутки. Не советует он и говорить за обедом. Тогда бывает, по нему, и голос неприличный и не довольно выразительный, так как из наполненных щек несвободно выходит слово, и язык, сжимаемый пищей, затрудненный в естественном своем действовании, издает неясный и как бы сдавленный звук. Неприличным кажется Клименту и есть вместе, и пить: это признак великого невоздержания соединять вместе то, совместное употребление чего неудобно. Климент указывает и виды пищи, которые более всего полезно употреблять. Той пищи, которая способна возбуждать половые страсти, нужно, по нему, совершенно избегать. «Можно употреблять лук, маслины, овощи, молоко, сыр, и, если угодно, мясо вареное и жареное. Из яств, - говорит он, - самые удобные для употребления суть те, которые приготавливаются без помощи огня, потому что с ними менее хлопот; потом те, которые не обременительны для желудка и дешевы. Те же, которые составляют роскошь стола и бывают причиной болезней, носят в себе демона обжорства, которого я не колеблюсь назвать демоном чрева, злейшим и пагубнейшим из всех демонов». Далее Климент дает наставления и относительно принятия вина. Он позволяет употреблять вино, но весьма умеренно, как ап. Павел заповедует Тимофею принимать понемногу вина для здоровья желудка. Вообще он допускает вино более всего в качестве лекарства. Он не разрешает, чтобы вино пили все без различия. По его

воззрению, молодые люди - юноши и девушки - и даже замужние должны воздерживаться от вина. «Пылкому возрасту нейдет вливать в себя вино, горячую из всех влагу: это все равно, что к огню прибавлять огонь. От этого возжигаются необычайные стремления, пылкие страсти, огненные нравы; разгоряченные внутри юноши устремляются к похотям, так что и тело их показывает признаки будущей гибели в прежде-временном созревании органов похоти. Похотливые пожелания юношей по возможности нужно стараться истреблять, и среди стола или обеда пусть они совершенно воздерживаются от вина, для них опасного. Если же приступит жажда, нужно утолять ее водою. Да и самой водой не следует чрезмерно наполняться, чтобы пища, не разжижаясь, удобнее варилась в нашем желудке и в большем количестве переходила в нашу плоть». Каждый должен, по совету Климента, смешивать вино с водой, а не пить его как воду. Сильными красками изображает он порок пьянства, который, впрочем, по его замечанию, встречался очень редко в то время между христианами. Он осуждает также пристрастие к винам иностранным и употребление различных вин во время одного и того же обеда. «Нужно, - по наставлению Климента, - весьма заботиться и о соблюдении приличия во время питья, т. е. нужно пить с лицом спокойным и не искривленным, не нужно хвататься за чашку с чрезмерной жадностью, не нужно неприлично водить глазами перед тем, как пить, не нужно предлагаемое для питья поглощать непристойно с невоздержанностью, чтобы не замочить бороды, не залить одежды, что случается, когда питье вливается залпом». «Не должно держать кубок таким образом, чтобы он покрывал почти все лицо». У женщин Климент порицает обычай пить из очень узких бокалов. Они делали это из некоторого рода кокетства: им казалось некрасивым широко раскрывать рот. Ему не нравилось, как они при этом загибают голову, нецеломудренно обнажают шею, как будто стараются обнажить для сотрапезников то, что могут. Тот же Климент дает многие советы о том, как прилично христианину держать себя во время пиршества. Он считает непристойным христианскому дому позволять шумную музыку, танцы и пр. «Зрелищем гнусным, театром распутства, - по его представлению, - является пиршество, когда на нем нескромно обращаются собравшиеся, при игре на флейтах, кимвалах, тимпанах и других музыкальных инструментах, при плясках и других подобных упражнениях. Можно допускать скромные и целомудренные мелодии, но всячески избегать изнеживающей музыки, нечестивым искусством звуков расслабляющей наш ум и нарушающей мир и тишину чувства. Кто умеет петь или играть на лире, тот не заслуживает этим себе упрека. Это делал и праведный Давид, благодаря Богу. Но если мы хотим достойно пользоваться приобретенным нами искусством пения или игры на музыкальном инструменте, не любовные песни должны быть нашим упражнением, а хвала Богу, Создателю вселенной, и благодарение Ему за те благодеяния, какими Он ущедряет нас». Климент хочет, чтобы шутки, столь обычные на языческих пиршествах, были совершенно изгнаны из собраний христиан. Веселость, по нему, должна сдерживаться в границах и должно далеко оставаться все, носящее печать нескромности. Неприличного не должно ни говорить, ни слушать, а о пороках не должно быть и помину. Не следует, по Клименту, на пиршественных собраниях насмехаться над другими, отчего рождается оскорбление, а отсюда споры, вражда и разные неприятности.

«Для любви и по любви сходятся на пиршества: зачем же здесь, вопреки цели пиршеств, вызывать насмешками вражду?» Климент требует большой осторожности по отношению к молодым людям. «Молодые люди, - по его рассуждению, - не должны вовсе участвовать в пиршествах, потому что они еще не тверды и многое, что здесь приходится им видеть и слышать, может приносить им вред, возжигать страсти» и пр. А о замужних женщинах и девушках он говорит: «Замужние женщины, когда они являются сюда, должны быть внутренне прикрыты стыдливостью, как внешне одеждой, а незамужние и вовсе не должны являться на пиршества мужчин». Участие в пиршествах язычников христианам не было позволено. Этому уже препятствовало то, что в таком случае христианину неудобно было совершать обычной молитвы и пения перед едой, во время нее и после нее. Притом же, христианам казалось греховным быть на пирах, носивших религиозно-языческий характер. Поэтому испанскому епископу Марциалу (около 250 г.) поставлено было в большое преступление «его участие в постыдных и скверных пиршествах язычников» - за это он даже был низложен. Из Тертуллиана мы узнаем, что христиане сторонились общественных пиршеств, которые

устраивались в честь императоров, в чем язычники видели род политического преступления. Тертуллиан по этому поводу замечал иронически: «Правду сказать, великое доказательство верноподданнического чувства: зажигать огни и раскладывать постели (потому что у древних вкушали лежа) по улицам, делать тут огромные пиршества, обращать город в питейный дом, разливать всюду вино, производя всякие наглости и бесчинства. Неужели радость народная должна обнаруживаться через общий позор?» С течением времени благопристойность начала ослабевать у христиан на пиршествах; именно во время брачных пиров местами стали нарушать чистоту и скромность прежних нравов. Поэтому собор Лаодикийский (около 370 г.) повелевает: «Если христиане присутствуют на свадьбе, то они не должны ни скакать, ни плясать, но скромно вкушать за свадебным столом, а священники и клирики не должны смотреть ни на какие зрелища, а должны уходить, как скоро появятся комедианты». Должно быть, в IV веке уже нестрого смотрели на то, что на браки христиан приглашались языческие скоморохи и музыканты. Слушать их и смотреть на них стали считать не столь греховным, как если бы сам христианин позволил себе что-либо подобное. Эти непорядки вызвали следующие узаконения Седьмого Вселенского собора: миряне должны удаляться с мимических представлений и сатанинских песней на браках.

К замечательнейшим и интереснейшим обнаружениям духа христианского в домашней жизни первенствующих христиан принадлежит влияние его на отношение к девству и браку.

С полным правом говорит Иоанн Златоуст, что девство только в христианстве достойно оценено, и с таким же правом он восклицает: «Прежде чем явилось христианство, где тогда было девство?» Евангельскому совету о девстве (Мф.19:12) следовали многие из первых верующих. Иустин (около 138 г.) пишет: «Между христианами есть много мужчин и женщин из всех сословий, которые с детства пребывали в девстве и достигли уже 60 и 70 лет». Немного позднее апологет Афинагор говорит: «У нас можно найти многих как мужчин, так и женщин, которые остаются в безбрачии, в надежде таким образом теснее соединиться с Богом». И Минуций Феликс утверждает: «Мы целомудренны в наших речах, непорочны в нашем теле. Очень многие между нами постоянно девствуют, имея целомудренное тело, хотя они не хвалятся этим». Все последующие отцы Церкви настаивают на мысли о предпочтении девства перед супружеством. Когда на Западе Иовиниан, Гельвидий и Вигилианций стали распространять противоположный взгляд, то бл. Августин и бл. Иероним провозгласили это последнее учение ересью и сильно боролись против него. При этом никогда не надобно забывать, что понятие о девстве не ограничивалось представлением только о телесной непорочности. Истинным девственником считался тот, кто при непорочности телесной отличался смирением и внутренней чистотой. Так учили мужи апостольские: Климент Римский и Игнатий Богоносец. Собор Гангрский, около середины IV века, говорит: «Если кто из тех, кто ради Господа остается безбрачным, осмеливается гордиться над женатыми, - анафема». Подобным образом писал Кирилл Иерусалимский. Как сильно Церковь настаивала на внутренней чистоте, понимая под нею отрешение от нечистых желаний, взглядов, слов и пр., это можно видеть из слов Афинагора: «Девство ведет к Богу, а нечистые помыслы и похоти снова удаляют от Бога». Дополняя ту же мысль, Минуций Феликс говорит: «Мы целомудренны не только во взоре, но и в сердце». Относительно этой внутренней чистоты верующие были убеждены, что она не может быть потеряна даже в том случае, если грубое насилие осквернит телесную чистоту, как это случалось с христианками во время гонений. Проспер Аквитанский (V в.) так рассуждает об этом: «Если сохраняется святость души, то святость тела остается неразрушенной, хотя бы тело и потерпело растление; напротив, как скоро не соблюдена чистота души, исчезает и святость тела, хотя бы тело не было осквернено».

Образ присно Девы Марии "Воспитание"

В мученических Актах рассказывается, что когда консул Пасхазий, в царствование Диоклетиана, святую деву Люцию, из Сиракуз в Сицилии, приказал отдать в публичный дом, она отвечала: «Тело никогда не может вступить в преступную связь,

когда нет на то согласия души. Если совершат со мной насилие, непорочность моя удвоится, и я получу венец». Впрочем, если приходилось выбирать что-либо одно из двух: смерть или бесчестие, христианские девы и жены с радостью и решительностью выбирали смерть. Они скорее соглашались потерять жизнь, чем лишиться девства, охотнее шли ко львам, чем к содержателям публичных домов (ad leonem, quam ad lenones). Об этом свидетельствует христианский поэт Пруденций Климент (IV в.). В особенности часто случалось в царствование Максимиана, преемника Диоклетиана, что христианские жены и девы подвергались казни или пыткам за то, что они не хотели служить гнусным страстям этого императора, его сановников и военачальников. Евсевий насчитывает не менее 600 христианок, которые приобрели за свое мужество в этом случае великую славу. Во главе этих героинь он ставит именитую и высокообразованную александрийку, которая многократно отвергала

неистовые искания языческого императора Максенция и за это, наконец, была лишена своего богатого имущества. Христианки в период гонений решались даже на самоубийства, лишь бы не потерять свою честь. Позднейшие отцы Церкви не одобряли подобные поступки, но в более древнее время многие считали самоубийство, совершенное при таких тесных обстоятельствах, не только позволительным, но и считали его подвигом, заслуживающим всяких похвал. У Евсевия встречаем такой рассказ: «Достойна удивления одна женщина-христианка в Риме, благороднейшая и скромнейшая из всех, которым пытался нанести бесчестие Максенций. Едва только узнала она, что люди, в таких делах прислуживающие извергу, окружили дом ее, и что ее муж, бывший римским префектом, из страха содействует ее похищению, тотчас, выпросив себе минуту времени, будто для того чтобы прилично одеться, входит в свою внутреннюю комнату и, оставшись одна, пронзает себя мечом и немедленно умирает». - О других подобных случаях рассказывает церковный историк Никифор Каллист; именно он говорит о двух знаменитых антиохийских девах, которые по совету своей матери бросились в воду, чтобы избежать позора. Он прибавляет, что этот поступок встретил такое одобрение, что вслед за ними с той же целью побросались в море и многие другие антиохийские девы. Тот же Никифор передает сказание об одном случае, в высшей степени замечательном по своей необычайности. Дело было с христианской девой Евфразией, из Никомидии. Она спрашивала Никомидийского епископа Анфима (во времена Диоклетиана), что она должна сделать, если ей случится выбирать или смерть, или идолопоклонничество. Он посоветовал ей в подобном случае выбрать смерть. И она привела в исполнение это решение своего пастыря, но привела так, как едва ли можно было ожидать. По определению гонителей, она была отдана одному юноше на растление. Оставшись с ним в уединенной комнате, Евфразия объявляет ему, что она владеет одним волшебным средством, которое делает человека неуязвимым, и что она сообщит ему этот секрет, если он не коснется ее непорочности. Затем она сделала смесь из воска и масла, обмазала себе шею и пригласила юношу из всех сил ударить ее мечом по шее, уверяя, что он увидит, что не принесет ей никакого вреда. Опыт сделан, и она лишилась жизни, как и желала того. Так как в то время очень хвалили за подобную хитрость, то нечего удивляться тому, что заслуживал одобрения и всякого рода обман, если только он имел целью охранение своей девственности. Так, тот же Никифор рассказывает об одной христианской деве, что она в видах сохранения своего целомудрия объявила себя больной позорной болезнью. - От истинной девственности в древней Церкви требовали, чтобы она выражалась во всем поведении девственников. В этом отношении Тертуллиан говорит следующее: «Для целомудрия недостаточно того, что оно существует, нужно также, чтобы оно проявлялось. Оно должно быть так совершенно, чтобы оно из души переходило на одежду, простиралось

от сердечных внутренностей до внешних покровов». Поэтому было строго запрещено девственникам носить какую-нибудь неприличную одежду, допускать себе такого же рода украшения и удовольствия. Киприан писал: «Девы ни для кого не должны украшаться, не должны стараться нравиться никому, кроме их Господа, от Которого они получают награду за девство. Дева не должна украшаться так, как будто она отыскивает себе мужа. Дева, привлекающая к себе взоры юношей и возбуждающая в них страсти своими нарядами, не может быть целомудренной и скромной в душе!» - «Девы, украшающие себя золотом, жемчугами и драгоценными камнями, потеряли красоту сердца».

Христианская древность высоко ценила и брачное состояние. Только мечтательные и еретические секты считали непозволительной брачную жизнь. Но отцы и соборы всех веков единодушно возвышали свой голос против подобной крайности. Собор Гангрский (прав. 9-е) определяет: «Если кто живет неженатым и остается в воздержании не ради красоты и святости девства, а из презрения к браку, да будет анафема». То же говорит 51-е Апостольское правило: «Если епископ, пресвитер и диакон удаляется от брака, мяса и вина не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что Бог все создал добро зело и что Бог сотворил мужа и жену, или да исправится, или да будет извержен из священного чина и отвержен от Церкви. То же - и с мирянином». Учитель Церкви, Климент, даже определенно отдает предпочтение брачному состоянию перед безбрачным. «Совершенный христианин, - думает он, - если вступает в брак по воле божественного Слова, имеет своими образцами апостолов (которые, по нему, имели жен). Таковой человек одерживает верх над прочими мужами. Женатый человек и хозяин дома живет среди всяческих искушений, с которыми он встречается вследствие своих забот о жене и детях, о здоровье и имуществе, остается при всем этом твердым, не отпадая от божественной любви. Но кто не имеет хозяйства, тот не имеет и многих искушений; так как он заботится только о самом себе, то и стоит ниже того, кто хотя менее его заботится о собственном своем спасении, но полезнее в жизни». - Дух христианский, прежде всего, оказывает могущественное влияние на условия заключения браков. Первый след церковного благословения при заключении браков находим в послании Игнатия Антиохийского к Поликарпу. «Те, которые женятся или выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти». Остается не совсем ясным, что нужно иметь в виду под выражением «с согласия епископа», но во всяком случае видно, что Церковь с древних времен давала согласие, одобрение, вообще принимала участие при заключении браков. Брак уже перестал, как это было в язычестве, быть гражданским делом, - он стал вместе с тем делом церковным. Яснее Игнатия говорит Климент Александрийский. Осуждая обыкновение женщин носить фальшивые волосы (шиньоны), учитель Церкви взывает: «Да кому же священник будет преподавать свое благословение? В таком случае (при возложении рук) он будет преподавать его не этой женщине, а волосам посторонней женщины». Так же и Тертуллиан пишет: «Как изобразить счастье брака, советуемого Церковью, освящаемого ее молитвами, возвещаемого от ангелов на небесах, благословляемого Богом-Отцом?» При другом случае тот же писатель говорит: «Тайные брачные союзы, т. е. о которых не объявляется перед Церковью, влекут за собой большую опасность, потому что они могут быть сравнимы с блудом и прелюбодеянием». Позднейшие свидетельства о церковном благословении браков бесчисленны.

Царская семья Романовых

Много поучительного представляют предписания древней Церкви о цели брака, о свойствах супружеской жизни, о взаимном отношении супругов и прочее. Так как брак есть образ союза Христа с Церковью и есть таинство, то древние писатели постоянно требуют особенной чистоты и святости от брачного состояния, - качества, которые были неизвестны в языческом мире. Иустин говорит: «Христиане вступают в брак не ради плотской похоти, но для того, чтобы родить детей». Афинагор пишет: «Жену каждый из нас, которую он взял по установленным у нас законам, имеет только для деторождения. Как земледелец, бросив в землю семена, ожидает жатвы и больше уже не сеет, так и у нас мерою пожелания служит деторождение» (т. е. если плодоношение женой уже началось или если возраст не позволяет надеяться иметь детей). Родственное с этим замечание встречаем у Климента Александрийского: «Ближайшая цель брака есть рождение детей, а высшая - доброе воспитание их». Очень хорошо тот же Климент говорит при другом случае: «Добрые браки основываются не на золоте и красоте, но на добродетели». То же - Тертуллиан: «Христианин женится не ради плотской похоти и не ради прибытка». Климент дает многие правила о том, как должны поступать христианские супруги при физических сношениях между собою. Он запрещает плотское совокупление во время месячных очищений или в случае, если жена уже зачала во чреве. Продолжение физических сношений в последнем случае он почитает противоестественным и греховным. Другие правила касательно того же предмета заключаются в следующем: «Человеку должно воздерживаться от сладострастия и повелевать чреву и тому, что ниже чрева. Не касайся никакой другой жены, кроме своей. Да и здесь должны быть мера и граница. Излишнее удовлетворение плоти расслабляет нервы, омрачает чувства и уменьшает силы. Бог хочет, чтобы род человеческий продолжался, но Он не говорит: будьте похотливы. Время для соития соблюдают даже животные, не имеющие разума. Человеку ли, отличенному разумом, стоять в этом отношении позади их? По руководству разума, время нужно соблюдать тем, кому позволено жить с женами: никто не должен сходиться с женой, по обычаю петухов, во всякое время, например, возвращаясь из церкви или утром с торжища, когда

время молитвы, чтения и других дел. Нечасто должно быть брачное сношение: чем оно реже, тем желательнее и приятнее. Далее, и ночью, во тьме, не нужно вести себя неумеренно и вольно. Бесстыдные слова, гнусные фигуры, любодейные поцелуи и имена других вольностей пусть не упоминаются между нами». Скромность, которая характеризовала древний христианский брак, слышится в самых наименованиях, какими называли себя взаимно супруги. Жены весьма часто назывались «сестрами» своих мужей, и в самом деле некоторые супруги жили друг с другом как брат с сестрой, на некоторое время или навсегда отказывая себе в брачных удовольствиях. Что такое воздержание может иметь место только при обоюдном согласии супругов, на этом настаивает в особенности Августин, на основании слов ап. Павла (1Кор.1:2. 4). Некоторые при самом вступлении в брак давали себе обет постоянного целомудрия; другие, живя более или менее долгое время в брачном состоянии, потом переходили к жизни целомудренной. Примеры того и другого рода были известны еще во времена Тертуллиана; воздержание этого рода представлялось явлением столь выходящим из обыкновенного порядка вещей, что считалось героическим подвигом. Кроме этого произвольного воздержания в браке, существовали еще определенные времена воздержания, продолжавшиеся более или менее короткий срок. Отцы и соборы требовали воздержания от людей женатых во все воскресные и праздничные дни, в дни причащения и поста; при этом ссылались на кн. Исход, гл. 19, ст. 15, где приказано было израильтянам перед принятием закона в продолжение трех дней не общаться с женами. Что в день совершения брака новобрачным не позволялось плотское сношение, это видно из одного правила Карфагенского собора, где говорится: «Жених и невеста, по получении благословения, должны проводить следующую ночь в девстве из благоговения к полученному благословию». Об установленных временах воздержания говорит Кирилл Иерусалимский, хотя и не перечисляет их. О воздержании в день причащения говорит блаж. Иероним. А собор Лаодикийский запретил браки во дни Четыредесятницы.

Отцы и учителя Церкви многократно внушают супругам скромность в их взаимных отношениях, так, чтобы их речи и взаимное обращение не давали случая к соблазну ни детям их, ни прислуге. Тертуллиан внушает: «Являйте собой красоту пророков и апостолов. Простота и целомудрие да будет единственным вашим убранством. Привяжите слово Божие к ушам вашим, - говорит он женам, - а иго Христово к шее своей. Покоряйтесь мужьям, сего довольно для вашего украшения. Оденьтесь в шелк справедливости, в виссон святости, в пурпур целомудрия. Исполняйте мудростью, святостью и чистотой. И тогда сам Бог будет вашим верным и вечным подателем любви». Говоря о женах, Климент называет предметы, которыми они стали бы украшать себя, перьями, на которых они улетают от супружеской верности. Но не все христианки соглашались с этими строгими предписаниями; некоторые из них старались выставить разные возражения в защиту своих нарядов. Они говорили, что они должны украшаться ради своих мужей, чтобы поддерживать их благосклонность; что Бог самые блага земные даровал на пользу им; что они занимают высокое положение в свете и по необходимости должны сохранять свое достоинство. Тертуллиан разбирает и доказывает неосновательность каждого из этих возражений. Древние христианские писатели описывают брак христианских супругов в самых привлекательных чертах, как полное внутреннее единение двух лиц, составляющих из себя как бы одну жизнь.

Приводим слова Тертуллиана: «Как приятны должны быть узы, соединяющие два сердца в единой надежде, в единой вере, в едином законе! Они - как дети одного отца. Нет между ними никакого раздора или разделения ни в душе, ни в теле. Они два в единой плоти: где плоть едина, там и душа едина. Они вместе молятся, вместе припадают на колена, вместе постятся, взаимно ободряют и руководят друг друга. Они равны в Церкви и в общении с Богом, равно делят бедность и богатство, ничего один от другого скрытного не имеют, не в тягость друг другу, каждый из них может посещать больных и помогать нищим. Они вместе поют псалмы и гимны, стараясь превзойти друг друга в хвалениях Бога своего. Иисус Христос радуется, видя такое домоводство их, посылает мир Свой на их дом и обитает в нем вместе с ними, а где Он находится, туда не может войти дух злобы». Такое взаимное общение супругов проявлялось, между прочим, в обоюдных попечениях о спасении души. Пример заботливости супруга о спасении своей жены показывает Тертуллиан, написавший сочинение «К

жене», в котором он дает ей наставления, как устроить свою внутреннюю храмину, не только при его жизни, но и по смерти. Еще во втором веке было широко распространено предание, что ап. Петр возбуждал в своей жене ревность к терпеливому перенесению мученической смерти, говоря ей: «Жено, помни Господа». В свою очередь, весьма часто случалось, что жены-христианки обращали своих мужей к вере в Бога, знакомили их с христианством и приобретали их для веры и добродетельной жизни. За это именно восхваляет Григорий Богослов свою мать, Нонну. Если Златоуст говорит: «Нет никого сильнее благочестивой жены, увещивающей и наставляющей своего мужа», то это замечание подтверждается бесчисленными примерами из всех веков. В понятие святости христианского брака входило - прекращать супружеские сношения с порочным супругом. В книге «Пастырь» Ерма даются такие наставления по этому поводу: «Если кто-нибудь будет иметь женой христианку и найдет ее впавшую в прелюбодеяние, то муж грешит, если живет с ней. Если муж узнает о грехе своей жены и она не покается, но будет оставаться в своем прелюбодеянии, то муж сделается участником в ее прелюбодеянии. В случае, если она упорно остается в своем пороке, пусть муж оставит ее, а сам остается один. Если же, отпустив свою жену, возьмет другую, то и сам становится прелюбодеем. Если же отпущенная жена покается и пожелает возвратиться к мужу своему, то он должен принять ее; если же не примет ее муж, он грешит грехом великим; должно принять грешницу, которая раскаивается, но не много раз». Что здесь сказано о муже, то же, по книге «Пастырь», имеет свою силу и в отношении к жене. Того же требует и Василий Великий. Впоследствии случилось, что только одни мужья хлопотали о разводе со своими женами, под предлогом прелюбодеяния их, и возникло воззрение, что жены не имеют права требовать такого же развода в случае прелюбодеяния своих мужей. Представители Церкви старались объяснить всю неосновательность подобного одностороннего взгляда.

Наконец, бросим взгляд на отношения родителей и детей. Мы увидим, что и здесь новый дух христианский положил свою неизгладимую печать. Воспитание детей было преимущественно религиозным. Таково, по крайней мере, оно было в домашней жизни. Уже муж апостольский, Варнава, предписывает каждому христианину: «С детства наставляй сына и дочь в страхе Божьем». Главным средством религиозного воспитания детей было Свящ. Писание. О Леониде, отце Оригена, известно (из Евсевия), что он ежедневно задавал ему выучивать на память по главе из Свящ. Писания. Блаж. Иероним в таких чертах изображает христианское воспитание дочери. «Будь осмотрительна, - пишет он матери, - в выборе воспитания для души, назначенной служить храмом Богу; помни, что начатки всего исключительно должны принадлежать Господу; поэтому первые мысли, первые слова дитяти должны быть освящены благочестием. Для матери-христианки нет радости выше той, когда она слышит дитя свое произносящим еще слабо и с запинанием имя Иисуса Христа, или когда оно пытается петь священные напевы нежным голоском своим. Когда потом представится возможность упражнять память твоей дочери, то обучи ее псалмам. Пусть Евангелия и Писания апостольские сделаются сокровищем сердца ее; пусть каждый день она прочитывает с тобою несколько страниц из них и таким образом подносит тебе каждое утро как бы букет из цветов, собранных ею в священных книгах. Пусть это будет самой главной заботой ее, самым привычным делом, которое оставляла бы она, только ложась спать и за которое принималась бы, пробуждаясь от сна. Остерегай дитя свое, - продолжает Иероним, - от всех тех чтений, которые вносят в недра христианской души понятия и вкусы язычества. Удаляйся и сама того мнения, будто юности полезно измлада приобретать некоторые сведения, которые впоследствии приходят сами собой. По-моему, гораздо безопаснее вовсе не знать тех вещей, познание которых неизбежно влечет за собой расследование». Вместе с этим очень велика была заботливость родителей о том, чтобы удалять от детей все неприличное и соблазнительное. «Душа, - говорит тот же Иероним, - должна быть так руководима, чтобы она не научалась ни слушать, ни говорить ничего такого, что отвлекает от страха Божия. Неприличных слов она совсем не должна понимать. Должно держаться вдали от легкомысленных детей других родителей, и пусть няньки избегают всякого дурного общества, чтобы они не научили детей худым нравам. Если родители с такой заботливостью предохраняют своих детей от укуса змеи, то как им не предохранять тех же детей от зла мира сего?» Древние христиане в высшей степени заботились о том, чтобы дети имели учителями

людей добродетельных; если этого не наблюдалось, епископы и проповедники возвышали свой сильный голос против такого упущения. Так, например, Златоуст говорит: «Теперь заботятся более о лошадях и ослах, чем о детях. Если нанимают погонщика ослов, то очень заняты бывают вопросом: не глуп ли он, не пьяница ли, не вор ли, опытен ли. А если берут учителя для детей, то принимают, кого пришлось, и не размышляют, что нет искусства важнее воспитания детей». Часто матери-христианки, в случае если их мужья были язычниками, сами заботились и смотрели за воспитанием детей. Такова была Нонна, мать Григория Богослова, с юности посвятившая его Богу и сама вложившая Евангелие в его руки, от чего Григорий сравнивает себя с Самуилом, которого смолоду мать посвятила Богу. На воспитание Василия Великого имела сильное влияние бабушка его Макрина, которая постоянно указывала ему, как на образец для подражания, на Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Мать блаженного Феодорита, родив этого сына после продолжительного бесплодия и смотря на него как на дар Божий (на что указывает и самое имя), с ранних лет посвятила его Богу; она каждую неделю отправлялась с ним к благочестивым антиохийским монахам, спрашивая у них благословения и наставления ему. Златоуст и Августин последующим своим величием и святостью обязаны своим матерям: первый - Анфусе, второй - Монике, о чем засвидетельствовали сами эти великие мужи.

-
- 1) Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю...
 - 2) Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...
 - 3) Соответственно, в 9.00, 12.00 и 15.00 сравнительно с церковными сутками. (Здесь и далее - прим. редактора изд. 1900-1903.)

Источник:

Церковно-исторические повествования общедоступного содержания и изложения: Из давних времен Христианской Церкви. - М.: Печатня Снегиревой, 1900. - VI, 340 с. - (Собр. церковно-исторических соч. проф. д-ра богословия Алексея Лебедева: т. 9)

Газета «Живоносный источник» № 1 (87) февраль 2013г.